

Когда Линь И завела речь об украшениях, Линь Сяо невольно погрузился в раздумья, воскрешая в памяти события десятилетней давности.

В тот год дочь госпожи Ши как раз разрешилась от бремени, и та уехала на юг, чтобы присмотреть за роженицей. Линь Чжи тогда только начала укладывать волосы в высокую прическу, но, по иронии судьбы, прислать ей подобающий по случаю набор драгоценностей оказалось некому.

Линь И же начала носить прическу взрослой девушки месяцем ранее. Тогда Ся Лань, не теряя времени, принялась выпрашивать подарки у Линь Жусюэ, и тот осыпал старшую дочь жемчугом и золотом. Когда же настал черед Линь Чжи, в доме воцарилось красноречивое забвение.

Старый маркиз в подобные женские дела не вникал, а десятилетний Линь Сяо не имел доступа к семейным кладовым. Видя, что сестра осталась ни с чем, он взял свои карманные деньги и сам отправился в лавку, чтобы купить Линь Чжи ее первый взрослый убор.

Спустя годы Линь Сяо всё еще помнил ту горечь. Несмотря на то что содержание молодого господина из знатного рода было щедрым, для покупки достойных украшений его едва хватало. В то время он получал по двадцать серебряных лянов в месяц. Ему пришлось забрать деньги за следующий месяц вперед и потратить всё до последнего гроша, чтобы купить скромный, неброский гарнитур.

Вернувшись, он лично проследил, как няня надевает украшения на сестру.

— Прости, что так скудно, — сказал тогда десятилетний Линь Сяо. — Но брат обещает тебе: придет день, и у тебя будет всё самое лучшее.

Линь Чжи лишь светло улыбнулась в ответ:

— Дорогих вещей у меня впереди будет много, но эти я стану ценить превыше всех прочих.

Понимание и кротость сестры тронули Линь Сяо до глубины души, но одновременно с этим в его сердце закипал холодный гнев.

В тот же день Линь И, вся сияя от обилия вплетенных в волосы драгоценных камней, явилась к сестре и с напускным удивлением воскликнула:

— Вторая сестрица! Что это у тебя на голове? Никогда не видела ничего подобного. Работа такая грубая, да еще и простая позолота... Ох, бедняжка.

Линь Чжи пропустила шпильку мимо ушей, но Линь Сяо едва не сокрушил зубы от ярости.

«Позолота, сука?!» — мысленно выругался он тогда, но вслух не проронил ни слова.

Линь Сяо никогда не был из тех, кто безропотно сносит обиды. Дождавшись возвращения госпожи Ши, он выбрал момент во время общего семейного ужина. Прямо посреди трапезы он встал, вышел на середину зала и, строго соблюдая этикет, пал на колени перед Линь Жусюэ, склонив голову в покаянии.

— Сын ваш провинился и молит о прощении, — звучно произнес он. — В прошлом месяце старшая и вторая сестры одна за другой начали укладывать волосы. Отец пожаловал Линь И два полных набора украшений и шкатулку самоцветов, Линь Чжи же не получила ничего. В этом, разумеется, нет никакой беды, однако я побоялся, что вторая сестра будет выглядеть недостойно своего положения. Поэтому я самовольно взял содержание за будущий месяц и купил ей скромный убор в лавке. Надеюсь, отец не взыщет за это самоуправство.

Старый маркиз и госпожа Ши в мгновение ока изменились в лице. Взгляды, которые они бросили на Линь Жусюэ, были острее кинжалов. Тот побледнел, и по его спине пополз холодный пот. Маркиз Шоукан с грохотом опустил палочки на стол.

— Жусюэ, что за дела ты творишь в собственном доме?! — ледяным тоном произнес старик. — У девочек разница в возрасте всего несколько дней, а ты посмел так явно выделять одну в ущерб другой!

Линь Жусюэ поспешно вскочил, лепеча оправдания:

— Сын ваш просто оговорился... в суете позабыл, что вторая дочка тоже взрослеет. Досадная оплошность, чистая случайность!

Но Линь Сяо еще не закончил. Обернувшись к сестре, он продолжил тем же смиренным, наставляющим тоном:

— Чжи-эр, хоть отец и обделил тебя, одарив лишь Линь И, это вовсе не значит, что он тебя не ценит или не любит. И уж тем более не думай, что это из-за того, что нашей матушки более нет в живых...

С каждым словом Маркиз Шоукан всё больше разъярялся, а Линь Жусюэ всё больше заливался холодным потом. Линь Сяо же, не меняя выражения лица, продолжал играть роль заботливого брата:

— В этом есть своя логика. Линь И — дочь наложницы, а госпожа Ся прежде была лишь служанкой нашей матери, у неё нет ничего, что она могла бы передать дочери. Поэтому отец и заботится о ней чуть больше, восполняя недостающее. Но ты не должна печалиться. Ведь статус законных детей и детей наложниц глубоко различен. Ты — единственная законная дочь Поместья маркиза Шоукан, и твое благородство в крови от рождения.

Линь Сяо говорил медленно, и в его красивом лице не было ни капли тепла. Его слова, словно хлесткие пощечины, раз за разом обрушивались на Линь Жусюэ, Ся Лань и Линь И.

Тут же, не откладывая дела, он испросил у госпожи Ши ключи от кладовых и приказал вынести всё личное приданое Вэй Чжуан. Сундук за сундуком, драгоценность за драгоценностью — всё это богатство было перевезено во дворик Линь Чжи на глазах у всего семейства.

— Это приданое нашей матушки, — отчеканил Линь Сяо, глядя в глаза сестре. — Мамы больше нет, и по закону эти вещи принадлежат нам. Мне, как мужчине, они ни к чему, поэтому забирай всё себе.

Затем он вскинул брови и бросил мимолетный, полный пренебрежения взгляд на позеленевшую от злости Ся Лань и ее дочь.

«Ну что, есть у вас хоть что-то подобное? Если такие способные, так достаньте свое приданое! Покажите, на что годитесь!»

В этом и заключалась разница между фавориткой-выскочкой и теми, чей статус был освящен законом и рождением. В каждом жесте Линь Сяо сквозило безупречное соблюдение приличий, но за этой маской он в пух и прах разнес все надежды Ся Лань на возвышение и попытки Линь И затмить законную сестру. И самое горькое для них было в том, что он был прав — оспорить его слова не мог никто.

Маленький Линь Сяо даже не взглянул на бледную от гнева Ся Лань и Линь И, которые покраснели от зависти. Он лишь почтительно поклонился старому маркизу:

— Линь Чжи еще дитя, и о ней некому позаботиться, кроме меня. Думаю, я поступил правильно, стараясь ради неё, не так ли, дедушка?

Старый маркиз довольно улыбнулся:

— Именно так.

Итогом той памятной стычки стал суровый выговор, который Маркиз Шоукан устроил сыну, и удвоение ежемесячного содержания для Линь Сяо и Линь Чжи. Все в поместье получили четкий урок: законные и рожденные от наложниц никогда не будут равны. Раньше старик полагал, что равенство в тратах укрепит отношения между внуками, но теперь понял, как он ошибался. Стоило лишь немного ослабить хватку, как всякий сброд возомнил, что может попирать достоинство наследников дома. Мечтать не вредно.

Что же касается госпожи Ши, то её гнев было не унять. На следующее же утро во время обязательного визита она так отчитала Ся Лань, что та ушла в слезах. Госпожа Ши предельно ясно дала понять: наложница должна знать свое место и не сметь зариться на то, что ей не

принадлежит.

Воспоминания угасли. Линь Сяо еще какое-то время молча смотрел на Линь И, отчего та начала нервно ерзать на месте. Наконец он поставил чашку с чаем на стол и тонко улыбнулся:

— Боюсь, тут я ничем не смогу тебе помочь, сестрица. Этот гарнитур я заказал для Чжи-эр только потому, что мне случайно попался редкий, чистейшей воды рубин. Камень ушел без остатка, до единого осколка. Золото — дело второстепенное, а вот такого камня больше не сыскать.

Линь Сяо говорил безупречно вежливо, хотя в душе лишь презрительно усмехался. «Что за ничтожество...»

Он и сам порой поражался простоте устройства ума Линь И. С самого детства она только и знала, что соперничать с сестрой. Пользуясь тем, что отец в ней души не чает, она требовала себе всё, что появлялось у Линь Чжи. А если у Линь Чжи чего-то не было, Линь И всё равно вынь да положь это, лишь бы подчеркнуть свое превосходство.

Раньше это можно было списать на детские капризы, но годы шли, а привычка оставалась неизменной. Линь Сяо потому и старался так часто одаривать родную сестру, чтобы та не чувствовала себя обделенной. Если отец не дарит любви, а матери нет рядом — что ж, Линь Сяо сам станет для Линь Чжи целым миром.

Госпожа Ши тоже не скрывала своего недовольства поведением Линь И. Насколько бы изящной ни была вещь, это всего лишь шпилька, подарок брата сестре, выполненный по его собственным эскизам. Иметь наглость выпрашивать такое же — верх невоспитанности для благородной девицы. Будучи женщиной прямолинейной, госпожа Ши вмешалась:

— Если старшей барышне чего-то не хватает, обращай ко мне. У твоего второго брата не так много добра, чтобы одаривать всех сестер без разбору. Ланьцуй! Ступай в кладовую и вынеси для старшей барышни набор золотых украшений.

Лицо Линь И залилось краской стыда. Чувствуя себя крайне неловко, она была вынуждена подняться и в глубоком поклоне поблагодарить за «милость».